

Выбор против мира: экзистенциальные корни современных конфликтов и пределы медиации — философия разрыва как вызов конфликтологии XXI века

Аннотация: В статье обосновывается необходимость дополнить классическую конфликтологию, ориентированную на урегулирование и консенсус, философской рефлексией о конфликтах, которые не ищут возвращения в мир. На материале русской экзистенциальной мысли (Шестов, Бердяев, Бахтин, Франк, Чаадаев) и современной антиполитики (Греле, Бланшо, Агамбен) выделяется онтологическое измерение конфликта — выбор разрыва с миром. Показано, что этот выбор может быть как индивидуальным (одиноким мореплавателем, отшельником), так и коллективным (государством, выбирающим суверенное одиночество). Раскрываются пределы медиации при столкновении с субъектом, не желающим возвращения. Формулируются вызовы для российской конфликтологии XXI века.

Ключевые слова: конфликтология, экзистенциальный выбор, разрыв с миром, одиночество, антиполитика, пределы медиации, русская философия, суверенное одиночество государства.

---

1. Проблема века: конфликт, который не ищет возвращения

Конфликтология XXI века родилась из эпохи, которая верила в договор. Переговоры, медиация, консенсус — все эти процедуры предполагают, что стороны конфликта *хотят* одного и того же: вернуться в общее пространство мира, пусть и с перераспределёнными ресурсами. Но что делать, если одна из сторон (или обе) этого возвращения не желает? Если её стратегия — не победа внутри мира, а разрыв с самим миром?

В сегодняшней России, как и во многих других обществах, мы всё чаще сталкиваемся с феноменом, который не вписывается в классическую конфликтологическую парадигму. Речь не о споре бизнес-элит или территориальных претензиях. Речь о человеке, который выбирает одиночество не как временную тактику, а как онтологическую позицию; который молчит не потому, что ему нечего сказать, а потому что любая речь, адресованная миру, уже проиграна; который ищет не справедливости, а *невозвращения*. Этот выбор — вызов для любой теории урегулирования и одновременно — возможность для новой, более глубокой философии конфликта.

В статье мы покажем, что русская философская традиция накопила значительный опыт осмысления именно этого неподдающегося урегулированию конфликта. Затем обратимся к современной антиполитической мысли (прежде всего к Жилью Греле), которая предлагает понятийный аппарат для анализа разрыва. Наконец, рассмотрим одиночество не только человека, но и государства как коллективного субъекта, выбирающего разрыв с глобальным миром, — и сформулируем пределы медиации и поставим новые задачи для конфликтологии.

---

¹ <https://conflictmanagement.ru/coj-lyubov-nikolaevna/>

2. Русская философия как школа разрыва

Русская мысль часто иронично, но по сути точно была названа «экзистенциальной» не по академическим соображениям, а по исторической судьбе. Когда мир (империя, советское государство, постсоветская аномия) переставал быть домом, философ вынужден был отвечать на вопрос: где и как укорениться человеку, изгнанному из мира?

Лев Шестов дал самый радикальный ответ: человек, оказавшийся перед лицом абсурдного, жестокого миропорядка, не имеет права искать утешений в разуме. Разум всегда скажет, что надо подчиниться необходимости, приспособиться, найти своё место. Но выбор — это именно то, что совершается *вопреки* разуму, в точке отчаяния и одиночества. Шестовский «Иерусалим» противостоит «Афинам» как выбор веры, а не знания; поступка, а не закона. Конфликт, понятый по-шестовски, не может быть разрешён компромиссом, потому что он лежит в сфере, где рациональная калькуляция бессильна.

Николай Бердяев уточнил онтологическую механику этого разрыва. Мир, в котором мы живём, — это мир «объективации», омертвления духа, превращения личности в социальную вещь. Одиночество, по Бердяеву, не есть изоляция от людей; это обособление от *мира объектов*. Личность рождается именно в этом обособлении. Бердяевский пафос — «я защищался от мира, охранял свою свободу» — становится не психологической защитой, а философским принципом. Для конфликтологии это означает, что некоторые конфликты суть не столкновение интересов, а попытка личности сохранить свою субъектность перед лицом объективирующего давления мира.

Наиболее системную форму идея разрыва получила у **Михаила Бахтина**. Его «поступок» — это единичное, неотменимое действие, не выводимое из общих правил. «Не-алиби в бытии» означает, что человек отвечает за свой выбор там и тогда, где никакая социальная роль или институция не могут служить оправданием. Бахтин показывает, что мир норм, теоретический мир, не способен схватить живое событие поступка. Конфликт начинается именно в зазоре между «миром» и «поступком» — и этот зазор неустраним. Любая медиация, апеллирующая к общим нормам, наталкивается здесь на принципиальный предел: поступок не может быть переведён в плоскость правил, не утратив своей сути.

Семён Франк и **Пётр Чаадаев** добавляют важные штрихи. Франк утверждает, что подлинное «мы» предшествует любым институциям и может стать ресурсом сопротивления миру. Чаадаев, написавший свою знаменитую философию «непринадлежности России к миру», по сути, первым в русской мысли проблематизировал само понятие всеобщего порядка, показав, что опыт разрыва может быть коллективным и историческим.

3. Современный поворот: пустота как место встречи и антиполитика одиночества

Если русские философы сосредоточились на экзистенциальном измерении разрыва, то авторы второй половины XX — начала XXI века перевели этот вопрос в плоскость политической онтологии. **Морис Бланшо** показал, как мир поглощает молчание, превращая его в очередной дискурс. **Жорж Батай** и **Жан-Люк Нанси** заговорили о «несообщаемом сообществе» — сообществе тех, кто не может быть сведён к общему миру. **Джорджо Агамбен** описал структуру исключения, лежащую в основе суверенной власти: чтобы быть включённым в мир, человек должен быть из него исключён.

Наиболее последовательную антиполитическую теорию разрыва предложил современный французский мыслитель **Жиль Греле** (тексты которого остаются малоизвестными в России, но обладают высоким эвристическим потенциалом). Греле, опираясь на свой опыт одинокого мореплавания у берегов Бретани, вводит ключевое различие между *мирозатворением* (процессом, которым мир непрерывно вбирает в себя человека) и *радикализацией* (стратегией, направленной на разрыв с миром). Он утверждает, что пустота, которую оставляет после себя разрыв, должна быть *институирована* — иначе мир вернётся, заполнив её миазмами своих симулякров. Институтация в его понимании — это не средство социализации, а наоборот, *антисоциальное* образование, удерживающее человека в состоянии одиночества, но одиночества *регулярного*, имеющего свой канон.

Этот поворот важен для конфликтологии: он предлагает не отрицать разрыв, а придавать ему форму. «Место, предшествующее формуле» — так Греле определяет пространство, где человек может быть одинок, не впадая в хаос. Конфликтолог в такой парадигме — не миротворец в старом смысле, а «институтор пустоты», помогающий конфликтующим сторонам легитимизировать их невозвращение.

4. Одиночество не только человека, но и государства

До сих пор речь шла об экзистенциальном выборе единичного человека. Но конфликтология XXI века имеет дело и с коллективными субъектами, причём иногда они демонстрируют ту же логику разрыва, что и шестовский бунтарь или бахтинский поступок. Государство, оказавшееся в ситуации, когда глобальный мир (его правила, союзы, экономические коридоры) перестаёт быть своим, может избрать стратегию *суверенного одиночества*.

Россия 2010–2020-х годов даёт здесь почти хрестоматийный пример. После десятилетий попыток «вписаться» в западный порядок — вступить в «восьмёрку», выстраивать партнёрские отношения с НАТО, интегрироваться в глобальные цепочки — наступает момент, когда этот порядок воспринимается как чужой и враждебный. Реакция не сводится к простому изоляционизму. Это именно *выбор разрыва*: сознательное утверждение собственной политической, ценностной, а во многом и экономической автономии, сопровождающееся риторикой «самодостаточности», «духовного суверенитета», «особого пути». Санкционное давление, с этой точки зрения, не просто внешний вызов — оно подтверждает правильность выбора: раз мир отвергает, значит, и не надо к нему возвращаться.

Философски этот жест можно прочесть в терминах Греле: государство, подобно одиночному мореплавателю, продельвает операцию «мирозатворения наоборот» — оно не вбирает в себя мир, а производит вакуум вокруг себя. Институтации (от внутреннего законодательства до альтернативных платёжных систем) становятся не инструментами социализации в глобальный мир, а «ангелическими» средствами удержания разрыва. Бахтинское «не-алиби» здесь работает на уровне суверена: государство берёт на себя полноту ответственности за поступок, который нельзя оправдать никакими отсылками к международному праву или «цивилизованному сообществу».

Разумеется, одиночество государства имеет и обратную сторону — ту самую, которую Греле описывает как «пучину фантазмов и фантомов». Замкнутость на себе, отсутствие «регулярного» выхода к другому приводят к отупению, милитаризации дискурса, утрате гибкости. Российская конфликтология здесь сталкивается с задачей, которой нет в

учебниках по медиации: как «институировать пустоту» на уровне государственной политики, как создать форму для разрыва, которая не превратится в саморазрушение.

Но не только Россия. Северная Корея, Иран после революции, а в определённые периоды — Куба или Югославия демонстрируют сходные паттерны. Государство выбирает одиночество как онтологическую позицию, и конфликт с миром становится для него структурообразующим. Это не временная тактика, а долгосрочная стратегия выживания через разрыв. Для конфликтолога это означает, что классические техники «вовлечения» или «нормализации отношений» здесь либо бесполезны, либо контрпродуктивны. Требуется совсем иная оптика — антиполитическая, готовая работать с субъектом, который *не ищет возвращения*.

5. Пределы медиации и вызовы для конфликтологии XXI века

Из всего сказанного следуют пять ключевых вызовов для российской конфликтологии.

Первый: необходимо признать, что многие современные конфликты имеют не инструментальную, а онтологическую природу. Стороны не торгуются; они утверждают разрыв как ценность. Российская практика «погашения конфликтов» через компромисс здесь не работает — более того, она воспринимается как насилие.

Второй: молчание и одиночество не могут рассматриваться как патологии или коммуникативные сбои. Это осознанные стратегии субъективации. Конфликтолог, вооружённый только техниками активного слушания, рискует не расслышать главного — что человек выбрал *не говорить с миром*.

Третий: институции могут быть переосмыслены. Вместо того чтобы служить механизмами ресоциализации, они могут становиться «местами пустоты» — площадками, где разрыв с миром легитимизируется, получает форму и регулярность. Это особенно важно в России, где многие негосударственные институции воспринимаются либо как враждебные, либо как ненадёжные.

Четвёртый: методология конфликтологии должна включить в себя «антиполитическое укоренение» — готовность работать с позицией «я нигде не у себя дома». Это не отказ от профессиональной позиции, а наоборот, её уточнение: наблюдатель, как и участник конфликта, находится на пороге, в промежутке между миром и тем, что миром не является.

Пятый: одиночество государства — это не дефект дипломатии, а возможная форма субъективации на уровне коллективного. Конфликтолог, работающий с международными или межэтническими конфликтами, должен уметь распознавать, когда перед ним не провал переговоров, а осознанный выбор разрыва. И тогда его задача — не «вернуть за стол», а помочь институционализировать этот разрыв так, чтобы он не превратился в разрушительную войну всех против всех.

6. Заключение: вместо возвращения — регулярность разрыва

XXI век всё чаще ставит нас перед ситуацией, когда и человек, и государство произносят формулу: «Я нигде не у себя дома». Философия разрыва, укоренённая в русской мысли и продолженная современной антиполитикой, даёт нам язык для того, чтобы не отрицать

это одиночество, а начать с ним работать. Пределы медиации определяются не несовершенством техник, а онтологической структурой самого выбора: тот, кто выбрал против мира, не может быть возвращён в мир без насилия над собой. Задача конфликтологии XXI века — не отрицать этот выбор, а институировать его пустоту, создавая «места, предшествующие формуле». И тогда, быть может, мы обнаружим, что подлинное урегулирование — это не возвращение домой, а обретение способности *регулярно* оставаться в разрыве.

Библиографический список

1. Агамбен, Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен ; пер. с ит. О. Дубицкой, М. Рыклина. — М. : Европа, 2011.
2. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. — М. : Наука, 1985. — С. 80–160.
3. Бердяев, Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. — М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003.
4. Бердяев, Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н. А. Бердяев. — Париж : YMCA-Press, 1934.
5. Бланшо, М. Неопишемое сообщество / М. Бланшо ; пер. с фр. — М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 1998.
6. Греле, Ж. Прологомены к Бретани. Антиполитика одиночного мореплавателя / Ж. Греле ; пер. с фр. А. Морозова. — Рукопись, 2018. [В работе используется неопубликованный перевод; оригинал: Grelet G. Prolégomènes à la Bretagne. — Paris : Éditions Matière, 2018.]
7. Михайленок, О. М., Никовская, Л. И., Тимофеева, Л. Н. Социально-политические конфликты: теоретические представления и практики урегулирования / отв. ред. Л. И. Никовская, О. М. Михайленок. — М. : ФНИСЦ РАН, 2023.
8. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. — М. : Республика, 1992.
9. Чаадаев, П. Я. Философические письма / П. Я. Чаадаев // Сочинения. — М. : Правда, 1989.
10. Шестов, Л. И. Афины и Иерусалим / Л. И. Шестов // Сочинения : в 2 т. — М. : Наука, 1993. — Т. 1.
11. Grelet, G. Théorie du navigateur solitaire / G. Grelet. — Paris : Éditions Matière, 2018.
12. Nancy, J.-L. The Inoperative Community / J.-L. Nancy ; trans. by P. Connor et al. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1991.

**Текст представлен для размещения на сайте Московской школы
конфликтологии (не опубликован)**